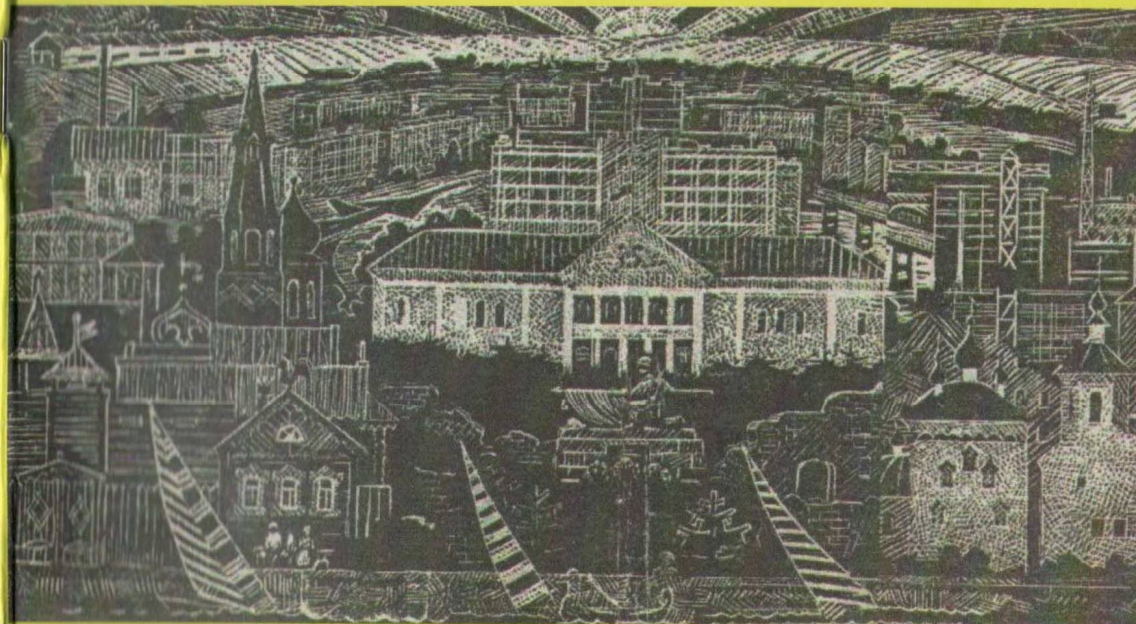

ЦЕНА

253

108

Геннадий Рыжкин

Случаи

из ливенской истории

Геннадий Рыжкин

Случаи

из ливенской истории

2015

УДК 82-1
ББК 84(2p)6
Р 93

Издана на средства автора

Рыжкин Г.В.

Р 93 Случай из ливенской истории – Орёл: ПФ «Картуш», 2015 –
36 с., илл.

В книге приведены короткие рассказы, построенные на событиях, случившихся
в Ливнах в разное время.
Адресована широкому кругу читателей

УДК 82-1
ББК 84(2p)6

На обложке: линогравюра ливенского художника А.Н. Селищева «400 лет
родному городу».

Перепечатка по согласованию с автором

© Рыжкин Г.В. 2015
© Дизайн автора, 2015

Да, были люди в наше время.
М.Ю. Лермонтов

К читателю

В этом повествовании – попытка внести лепту в ливенскую историю, приведены не совсем обычные сведения, почерпнутые из архивов, публикаций, а также рассказов местных старожилов. На первый взгляд описанные события не типичны и малозначимы, но, думается, характеризуют людей и время, в котором они действовали и жили.

Конечно, приведённые факты не повлияли на судьбу страны, но свой отпечаток на жизнь города в какой-то мере наложили.

Когда мысли воплощались на бумаге, возникали сомнения – стоит ли писать об отдельных случаях, людях, не слишком ли факты мелки. Тем более, повествование больше относится к краеведческому жанру, чем к документальному, да и некоторые сюжеты, как бы, вырваны из более чем четырёхвековой истории нашего города. Понуждало писать то, что, по моему мнению, написанное, всё-таки, в какой-то мере характеризует ливенское общество в бытовом, нравственном и культурном отношении в ту или иную эпоху. А поступки предков, пусть они иногда были и неблагоприятные, помогут научить нас не делать ошибок, которые совершили они.

Вобщем, преследовались цели благородные. Выполнены они или нет, – судить читателю.

Геннадий Рыжкин

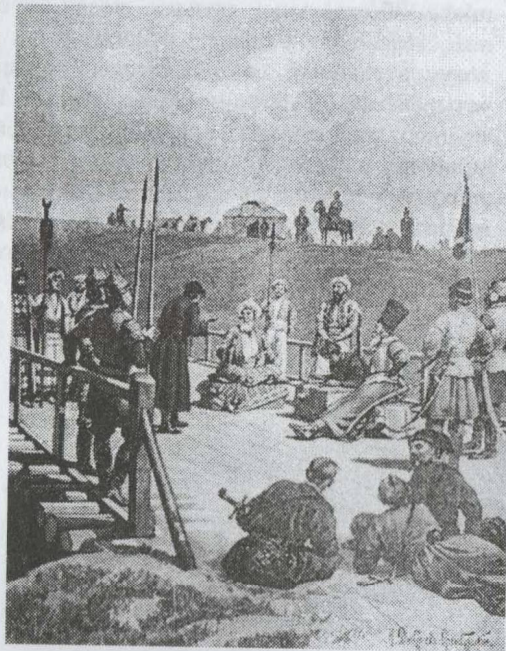
И построили мост

Ливны в XVI веке были пограничным городом. Крымский хан считал левый берег Сосны своим, а московские князья были убеждены, что им принадлежат земли и на правом, и на левом берегах. На этом месте разменивали послов, вели переговоры. В 1592 году, осенью, через семь лет после начала строительства крепости, на берега Сосны приехали из Москвы боярин Дмитрий Хворостинин и оружничий Богдан Бельский, из Крыма – представители хана Казы-Гирея. Сразу же встала проблема – где вести переговоры. Русский шатёр стоял на левом берегу, татарский на правом.

Хворостинин любезно пригласил татар в свой шатёр, но те, коротко посоветовавшись, замахали головами: «Если войдём в ваш шатёр, то имя хана потеряем». Никакие уговоры не помогли, послы хана твердили: «Приходите в наш шатёр, будем договариваться». Хворостинин наотрез отказался от предложения: имя нашего царя нисколько не ниже, чем имя вашего хана.

Встреча была под угрозой срыва, но москвичам она была крайне необходима. Крепости на юге, недавно построенные, были пока слабы, и нужно было договориться с татарами, чтобы они хотя бы убавили разорительные набеги. Кто внёс это предложение, история умалчивает, но оно оказалось спасительным, – построить мост и вести переговоры на его середине – не вашим, не нашим. Лёгкую переправу построили быстро. На коврах расселись ханцы, пришли москвичи и переговоры начались. Успешными их назвать нельзя. Договорились, что отряды крымцев не станут беспокоить Москву, за что хану будут преподнесены богатые дары в виде обозов с мехами и шубами, оружием, моржовой костью, драгоценной посудой, медными котлами, серебряными пуговицами и т.д. Обозы с дарами поехали в Крым, но басурманы своё слово не сдержали – походы на Русь продолжались.

В заключение скажем, что мост для переговоров стоял в том же месте, где старый беломестненский.

Татары своё слово не сдержали

Погибли все

Есть у реки Труды правый приток Липовец, на котором лежит село Троицкое Покровского района. Через него ранее проходила Луковецкая дорога с Пахнутцева шляха на Новосиль. По ней крымские татары направлялись, если нужно было пограбить Новосильские земли.

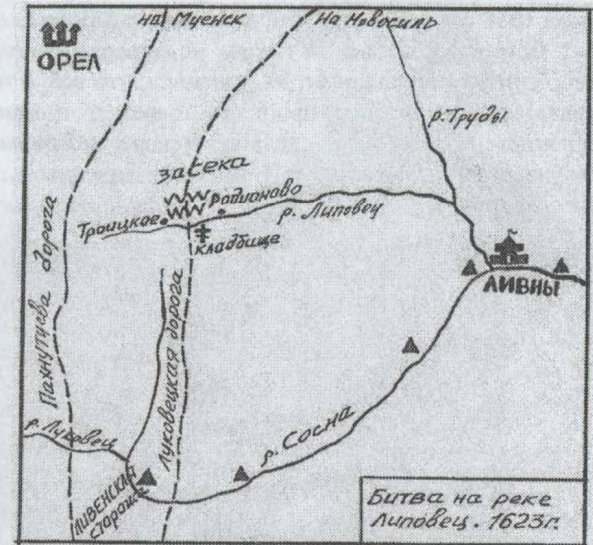
В мае 1623 года на реку Липовец, где её пересекала Луковецкая дорога, и был послан ливенскими воеводами Иваном Засекиным и Иваном Язвецовым отряд численностью 50 человек строить засечное место, т.е. валить деревья, чтобы басурманы не смогли проехать на лошадях. Стражник, выдвинутый в поле, прискакал на взмыленной лошади и рассказал, что прямо на них движется большой отряд татар. Бросив пилы и топоры, ливенцы спрятались среди деревьев.

Вооружённых луками да саблями, татар насчитали тысячи две. Переночевав на правом берегу Липовца, утром они начали переправу. Дождавшись, когда в воде будет много басурман, казаки начали стрелять из пищалей (ружей). Опомнившись, татары стали обстреливать казаков из луков стрелами, но это не приносило им вреда.

Татарский отряд бросил это место, всадники поскакали вниз и вверх по берегу реки, чтобы окружить ливенских казаков. Это им удалось. Прижав к воде, всех их порубили.

Ливенский воевода Иван Засекин прибыл хоронить храбрецов. Всех их перенесли на противоположный берег и положили на вечный покой каждого в своей могиле. И теперь на этом месте при тщательном рассмотрении можно увидеть еле заметные холмики.

А ведь ливенцы могли спастись, отойдя незаметно ночью, когда татары спали. Но воинский долг не позволил им сделать этого. Не отдал такого приказа голова погибшего отряда Никита Мацнев.

Месторасположение битвы

За побег – премия

Воинские люди крымского хана не давали покоя русской земле. Они двигались из Крыма по шляхам на конях, которых у каждого воина было три, останавливались на отдых в междуречье Тима, Кшени и Олыма, где оставляли всё лишнее, и налегке делали набеги на поселения и крепости. Путь их лежал часто через Ливны, так как здесь сходились Муравская и Кальмиусская дороги. Но ливенские служилые люди не дремали: они дежурили на сторожевых постах, разбросанных по Сосне и её притокам или выдвинутым в дикое поле – степь за Сосной. Боевые отряды встречали татар на подступах к городу, давали им бой.

В 1632 году произошло большое сражение в Савинской дубраве. Тогда отряд головы Василия Гринёва вступил в кровопролитную схватку с превосходящими силами басурман. Ливенцы были разгромлены, 300 человек погибло, раненые попали в плен. Видимо, ранили их легко, да и сами они были люди здоровые и сильные. Только таких татары брали в плен, чтобы продать за хорошую цену на рынках Крыма и Турции.

В числе пленённых оказались дети боярские Лука Плохой, Игнат Бухтияров и казак Сенька Татаренков. Сначала их пригнали в Крым, а потом продали туркам. Они не смирились со своим бедственным положением, сговорились и бежали в Персию. Осмотревшись там, направились к калмыкам на реку Терек, затем ушли в Астрахань. Спустя шесть лет после пленения, зимой 1638 года они, наконец, добрались до Ливен.

Воевода Колтовский глазам не поверил своим, увидев воинов, которых давно считал пропавшими. Убедившись, что всё, о чём они рассказали – сущая правда, приказал дать прошение царю о пожаловании их за «полонное терпение». Что и было сделано. Вскоре в Ливны пришло решение царя о «государевом жаловании». И поехали ливенцы в Москву получать царское благодарение.

Татары везут пленников

Самозванец из Ливен

После смутного времени начала XVII века царь Михаил Фёдорович Романов очень боялся повторения самозванцев, когда Россию потрясли ужасные волнения. И вдруг в 1627 году он получает донесение ливенских воевод Бутурлина и Писарева о том, что крестьянин Оношка назвал себя сыном Басманова, перешедшего в «смутное время» от Бориса Годунова на сторону Лжедмитрия I. Царь приказал прислать в Москву мужика Оношку тотчас, что и было сделано.

Из допроса в Разрядном приказе выяснилось, что Оношка (Ануфрий) сказал, что мать его звали Агафьей Ивановной, а как отца звали не помнит. Но мать сказывала, что звали его Иваном Басмановым, а убили его восставшие, после чего мать пропала безвестно. Сироту Оношку приютили казаки из города Михайлова, но ногайские татары при набеге взяли его в плен и увели. Но в Ливенском уезде государевы люди отбили и остался жить в Ливнах у Григория Токмакова. Потом женился на крестьянке сына боярского Агея Самойлова и стал крестьянином. При допросе Оношка упорно твердил, что он сын Басманова. Но оказалось, что жену Басманова звали Ирина Васильевна, а не Агафья Ивановна. Однако самозванец из Ливен стоял на своём, показав искалеченную ногу, утверждал что после поражения восстания рязанский воевода Ляпунов кинул его в клетку к медведю, который ногу левую выел.

Оношка был вкинут в тюрьму, имущество его, состоящее из шести овец, семи свиней и десяти кур, было продано, и вместе с женой и тремя детьми ливенский самозванец по приказу был сослан в Сибирь. На этом его след теряется. Проверить его на психическое состояние не было возможности, так как тогда врачей-психологов пока не имелось.

Царь Михаил Фёдорович боялся самозванцев

«Посланец государя»

Прошло полторы сотни лет с тех пор, как самозванец Оношка был сослан в Сибирь, а в Ливенском уезде в селе Стаханово объявился новый самозванец, назвавший себя «посланцем царя Петра III». Им оказался крепостной крестьянин Иван Сергеев, слышший среди односельчан совсем не блаженным, а наоборот – смекалистым и способным мужиком.

Собрав народ со всего села, он громогласно и уверенно заявил, что был у царя, который здравствует и послал его рассказать людям, что к Масленице царь приедет в их село. Подозревать Ивана, что всё это он «буровит с бодуна», крестьяне не могли, так как он пил в меру и никогда «не брал на грудь лишнего». Тем более что крестьянка Аленикова, пользующаяся авторитетом, подтвердила: сушая правда: Иван Сергеев – посланец царя и надо его слушаться.

Атмосфера в селе накалилась, тем более что крестьяне были обижены, так как помещики захватили в то время у них землю, а жаловаться властям было без толку. Собрался сельский сход, на котором Иван Сергеев громогласно сказал, что у него есть указ от Петра III на разорение помещичьих имений и стал верховодить отрядом однодворцев в несколько сотен человек с десятью конями и крючьями зазубринами. Масса недовольных под водительством своего «полководца» двинулась на помещиков, разграбляя их имения. Происходило это под Масленицу, все ждали царя, но он так и не приехал.

Вместо него прибыли солдаты воронежского батальона с пушкой, драгуны и казаки Платова. Арестовали более двухсот человек, после пятимесячного следствия виновными в бунте признали 86 крестьян. Годных к военной службе призвали на таковую, негодных высекли плетью. Ивана Сергеева заковали в кандалы и сослали на каторгу в Нерчинск. Этим безрадостная история и завершилась.

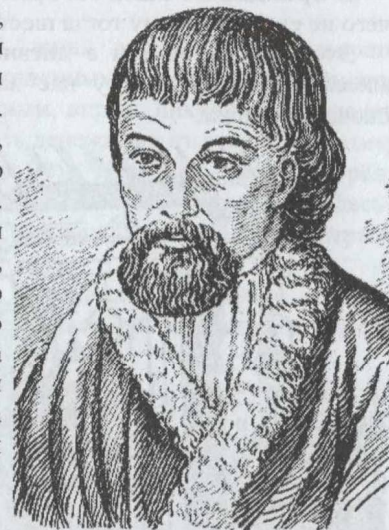
Иван Сергеев Петра III так и не дождался

То Орлиха, то Ефимьев

В XVIII веке в ливенских лесах разбойничала женщина по имени Алёнушка. Не одна, конечно, целый отряд сколотила. А нападала на поместья, на богатых людей, возвращавшихся с ярмарок, направлявшихся за покупками в город и т. д. Говорили, что была она родом из Орла, поэтому её «Орлихой» и прозвали. Отважная была, никого не боялась, мужиками командовала. В период пугачёвского восстания говорила: «Вот Емелька в Ливны придёт, воеводой в городе поставит».

Потом имя её поутихло, видно, состарилась, но другой разбойник объявился. Помещик Ефимьев из Елецкого уезда, промышлял на дорогах. Отобрал из своих крестьян пятнадцать человек и приказал им торговцев, ливенских и орловских грабить. Вооружённые дубинами, косами, цепами, прятались в лесу и ожидали проезда купцов. Завидев жертву, нападали и забирали товар, деньги. Но как говорит пословица, «Сколько верёвочке не виться, конец всё равно будет».

В один из дней, а было это в 1763 году, разбойники находились в засаде вблизи деревни помещика Трескина в Ливенском уезде. И вот показались повозки с товаром. Как обычно разбойники выбежали из леса, окружили купцов и начали грабить. Но купцы оказались не из робкого десятка. Стали отбиваться, кричать. Шум услышали мужики из близлежащей деревни, вооружились кольями и прибежали на место происшествия. Ух, и досталось ворами, только кости трещали. А когда уложили всех на землю, связали, отвезли в Ливны и отдали властям. Ефимьева посадили в тюрьму, а крестьян простили, и стали они заниматься своим делом.

Емельян Пугачёв в Ливны так и не пришёл

«Шпион» в Ливнах

А этот случай произошёл в Ливнах во время Отечественной войны 1812 года, свидетельствующий, как ненавистны были русские к французам.

Один из них, Мишлей, проживавший в Орле уже 45 лет в семье Кривцовых, возвращался домой. Ехал он вместе с Кривцовым через Ливны в кибитке. На пути попался базар и им приглянулись яблоки. Решили купить. Выбрались из кибитки, начали разговаривать с торговцем. К своему несчастью француз употреблял слова родного языка. Их обступили ливенцы, собралась целая толпа. Один из мужиков закричал:

– Да это французские шпионы!

Кривцов начал объяснять, что они никакие не шпионы. От Кривцова отстали, а француза начали бить чем попадая. На крики прибежал квартальный надзиратель. Когда разобрался в чём дело, то стал отбивать француза от толпы. Насилу его отнял и засунул в кибитку, которая быстро умчалась.

В Орёл дальше ехали без происшествий, но после побоев Мишель три дня ничего не ел. А было ему тогда шестьдесят лет.

Этот случай описан в дневнике Саши Протасовой, дочери орловского землевладельца. «Теперь у нас живёт предобренький старичок-француз» – заключает девушка.

Крестьяне ненавидели французов

«Отрешить от должности!..»

Губернатор Пётр Иванович Яковлев руководил Орловской губернией с 1800 по 1816 год, причём, поставлен был на эту должность в 31 год и показал себя весьма деятельным человеком.

Однако в 1816 году над ним стустились тучи. Прибывший из Петербурга ревизор сенатор Н.Е. Мясоедов с комиссией обнаружил в губернии разные злоупотребления. Яковлева отстранили от должности и завели восемь дел, чтобы отдать под суд. Восьмое дело содержало обвинения в злоупотреблении по уездам, в том числе по Ливенскому.

Перечислим обвинения по Ливнам:

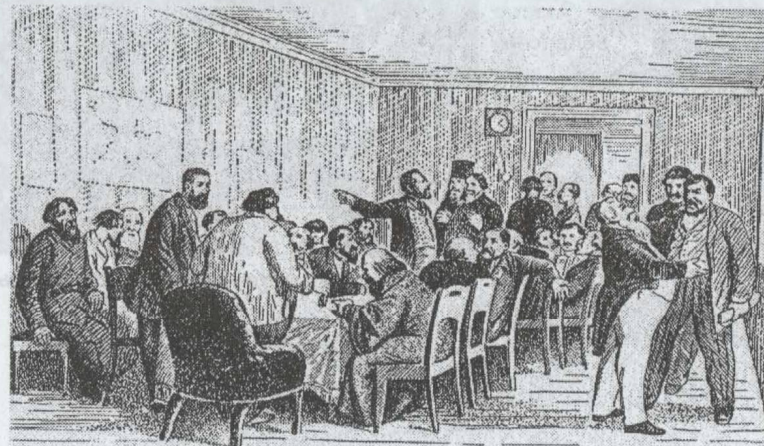
Городничий Алымов и квартальный надзиратель Светимский сажали обывателей и отпускали за деньги.

Заседатель земского суда Башкатов во время полоё воды заставлял себе ловить пływучий лес.

Уездный судья Мишин совершал противозаконные поступки, соединённые с лихоимством...

Дело Яковлева продолжалось долго, лишь в 1824 году император подписал решение, вынесенное государственным Советом и Сенатом: «...Считать Яковлева от должности отрешённым, впредь никуда не определять, к высоким выборам не допускать, подвергнуть денежному взысканию в размере 23736 рублей». В тюрьму его не посадили. Пётр Иванович покинул Орёл и уехал в принадлежащее ему сельцо Горки в Ливенском уезде «находясь в тяжёлой болезни». В 1825 году сельцо у него отобрали в счёт взноса за штраф, а спустя три года бывший губернатор умер.

Что касается ливенских чиновников, внесших свою лепту в судьбу губернатора, то многим из них удалось увернуться от тюрьмы и отделаться штрафами и лишением должностей.

И в царское время чиновники были вороваты

Дешевле, но хуже

С 1852 по 1854 год Орловским губернатором был Николай Иванович Крузернштерн, сын известного адмирала и мореплавателя. В мае 1853 году в его канцелярию приходит из Петербурга циркуляр Министерства внутренних дел с предписанием об улучшении уличного освещения в городах губернии. Здесь следует сделать отступление и рассказать, что министерство внутренних дел в царское время занималось не только борьбой с преступностью. В его обязанности входило наблюдение за благоустройством городов, дорог, отчётами об урожайности, промыслах, переписью населения и многое другое.

Так вот, на сей раз, оно озаботилось об освещении и рекомендовало, чтобы масляное освещение заменить на спиртово-скипидарное. В Ливнах не кинулись слепо выполнять указание начальства, а хорошенько всё подсчитали, и в Орёл был направлен рапорт следующего содержания: «Для устройства нового уличного освещения потребно 700 рублей серебром и для ежегодного содержания конопляным маслом обходится ежегодно в 70 руб. 80 коп. Кроме того, опытных людей приискать затруднительно, следовательно, выписывать таковых необходимо из других городов, для чего необходимы излишние расходы».

Ливенские чиновники были настолько бережливы, что совершенно не вникли в суть – спиртово-скипидарные фонари увеличивали освещенность улиц, хоть и обходились дороже.

Лишь спустя пятьдесят лет, глава города Акатов занялся этим вопросом. Фонари появились на всех центральных улицах города: Соборной, Казанской, Никольской ...

Старые фонари так и остались

Мастера кнутобойного дела

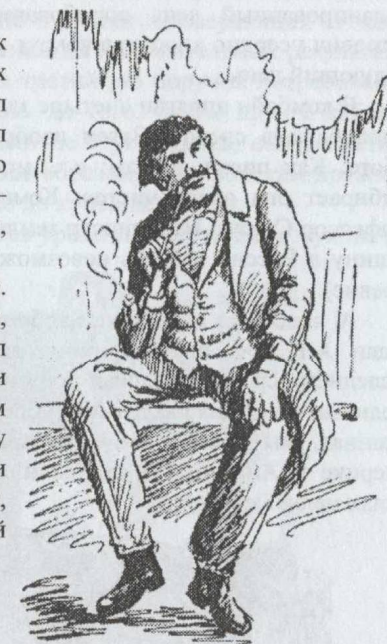
Разные помещики и купцы проживали на ливенской земле. Многие из них пользовались уважением крестьян. Такими были мукомол М.Ф. Адамов, князь В.В. Голицын, помещики М.Н. Маслов, А.К. Мишин ... Но многие отличались скупостью, жесткостью, не соблюдали законы.

Жестоким нравом обладал помещик П.И. Лутовинов, владевший имениями Топки, Столбецкое, Хмелевая. Как-то его бедствующие крестьяне самовольно прирезали себе немного помещичьей земли. Помещик рассвирепел, и поехал в ливенский суд. Там его раззадорили: «Что же вы сами не можете справиться с негодьями?!» И тогда Лутовинов собрал своих приближённых, и с ружьями они поехали к обидчикам. В перестрелке с обеих сторон были убиты 15 человек. Он собрал мёртвых и поехал в суд с покаянием. Его арестовали, судили, дали отсидку на поруках в своей деревне.

А вот в 1855 году в ливенском суде рассматривалось дело помещика Бузова. Он оторвал у крепостной крестьянки ухо «за беспорядки на птичьем дворе».

Отставкой лейб-гусар, помещик Скорятин так наказывал красивых дворовых девок: бил розгами, но не сам, а приказывал другим. При этом с удовольствием наблюдал за экзекуцией и прищёлкивал языком. А по деревням у него были управляющие – зубодробилы, знатоки кнутобойного дела, тоже бывшие военные.

Земский начальник 4-го участка В.Ф. Завистовский жил в деревне Костромитино, и, проезжая по дороге в Ливны, любил показывать свой крутой нрав. Будучи дворянином по происхождению, отставным подпоручиком, брал кнут и без разбору стегал тех крестьян, которые не уступали ему дорогу, а некоторых сажал на 1-2 суток, в арестную комнату при участке. Знай наших!

Таким представлял Скорятина художник Д. Ефимов

Помещик – изобретатель

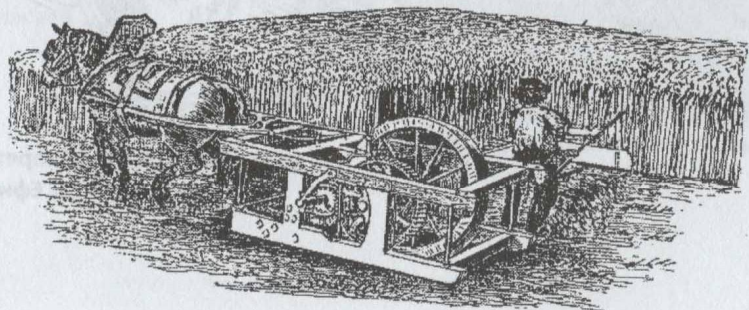
Жил в деревне Раисино-Буцкое Ливенского уезда в XIX веке помещик Дмитрий Петрович Буцкой. Выделялся среди землевладельцев – соседей. Устраивал спектакли для крестьян, а ещё увлекался техникой. И не поверхностно, а весьма серьёзно. Построил зерноуборочный комбайн. Весил он 84 пуда (почти полторы тонны). Обратился в Петровскую академию в Москву, откуда ответили, что готовы создать комиссию, чтобы испытать изобретённый комбайн.

И начал хлопотать Буцкой по поводу транспортировки машины. На волах перевёз по частям в г. Козлов (ныне Мичуринск), чтобы отправить по железной дороге. Там погрузили на платформы, и через 5 суток груз прибыл в Москву. Правда, по дороге злоумышленники кое-что украли.

И вот, наконец, комбайн на площадке академии. Народу собралось много, диковинку рассматривали внимательно, и многие имели мнение, что «машина для уборки хлеба невозможна». Наступило 9 сентября 1867 года – запланированный день опробования. Вместе с сыном Алексеем Дмитрий Петрович усердно хлопотал вокруг машины, но испытания состоялись лишь на следующий день.

В комбайн впрягли «четыре здоровенные лошади, и машина завертелась». Толпа бежала следом. Затем изобретатель завернул на поле и показал её в работе. Как писал он сам: «...можно было видеть всеобщее удивление ... подбирает она очень чисто». Комиссию возглавлял вице-директор академии профессор Стебут. Но министр земледелия дал заключение, что такую сложную машину в России сделать невозможно (хотя Буцкой изготовил её в ливенской деревне).

А через год патент на изобретение комбайна в России неожиданно был выдан А.Р. Власенко. Причина заключалась, видимо, в том, что машина последнего срезала колосья и обмолачивала их, а комбайн нашего земляка предназначался для раздельной уборки. Полистав литературу о зерноуборочных машинах, мы нашли, что в то время механические жатки употреблялись в Америке и Англии. Но, то были жатки, а ливенский самоучка-изобретатель создал целый комбайн!

Комбайн Буцкого превосходил жатку из Америки

Непокорные слободчане

В середине XVIII века государственная монополия на производство алкоголя была ослаблена – наряду с государством получили право производить водку и помещики. И сразу поняли, что этот промысел выгоднее, чем сеять овёс, растить свиней или сажать сады. Все кинулись гнать водку, а поскольку для её производства были нужны медные котлы, то монеты, которые делались из меди, не стало – переплавили на котлы.

Некоторые деревни пили без меры. И мужики, и бабы. От этого были бледны и желты, как мертвецы. Петербург забеспокоился, запретил вольное винокурение. Но некоторые не спешили сворачивать выгодное производство. Тогда в Ливенский уезд прибыла команда поручика Прибыткова с целью выявления злоумышленников и изъятия вина. Дело шло успешно. Солдаты разоряли аппараты, выливали на землю вино. Под угрозой ареста виновные клялись больше не заниматься запрещённым делом.

Но вот дошла очередь до Черкасской слободы. Здесь жили казаки, переселенцы с Украины. Самогонщики не пускали проверяющих в хаты, ругались, прогоняли прочь. Первый визит команды положительных результатов не дал. Пошли второй раз – тоже самое. На третий раз поручик потребовал от подчинённых решительных действий, вплоть до того, чтобы идти с саблями наголо. Так и сделали. Но черкасские казаки не ступали, они встретили стражников дубинами и тоже саблями. Таким образом, дали войскам дружный отпор и заставили их уйти. Хорошо, что дело до крови не дошло.

Писали, что лишь через пять лет удалось урезонить черкасских мужиков.

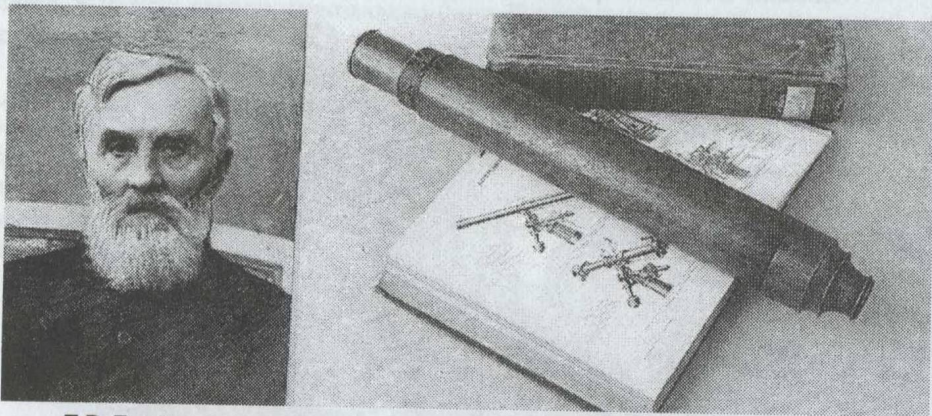
Самогонщики проверяющих в хаты не пускали

Небесное чудо

В один из июльских дней 1875 года ливенские обыватели были взбудоражены и испуганы чудом. Несколько дней только и были разговоры о нём, хоть и длилось оно недолго. При закате солнца от центра небосвода в северо-западном направлении падал огненный шар, оставлял за собой ярко светящийся след. Он также быстро исчез, как и появился. Многие перешёптывались, что вслед за этим последует «Божья кара».

Единственный человек обрадовался диковинному явлению. Это был учитель пения местного реального училища Евграф Васильевич Быханов, проживавший в собственном доме по улице Одноличка (ныне Орджоникидзе). Дело в том, что он фанатически был предан астрономии, изготовил собственноручно телескоп и «смотрел на небо». Он писал: «...нисколько не соображая, что для таких явлений не бывает времени, чтобы рассматривать их с помощью телескопа. Пока я установил на неровной земле принесённый ко мне столик и на нём телескоп, пока приладил трубу окуляра, прошло довольно времени... Я видел блестящую тонкую линию, направленную вниз к горизонту и образовавшую с ним угол приблизительно в тридцать градусов...»

Прошли годы и все о небесном чуде позабыли, но Быханову увиденное явление природы послужило причиной по-новому поразмышлять о падении метеоритов и написать об этом в своей книге «Нечто из небесной механики», которая вышла в 1893 году. Кстати, тоже в Ливнах.

Е.В. Быханов и его телескоп

Книги – на курево

В 1918 году в Ливнах время было противоречивое. С одной стороны всё большее влияние на городскую и сельскую жизнь оказывала новая власть большевиков. С другой – богачей никак не устраивали перемены, так как превосходство их над простолюдинами утрачивалось, и они теряли всё нажитое ранее.

Крестьяне взялись за имущества – грабили ценное, иногда пускали «красного петуха», т.е. поджигали. Недалеко от устья Кшени в Апушкиных Лугах жил князь В.В. Голицын, землевладелец, председатель уездной думы. Очередь дошла и до его поместья. Но доверенные люди прознали про это и поспешили сообщить князю: завтра – погром. Голицыны заторопились – упаковали всё самое ценное и тайком под покровом ночи покинули дом, уехав в Москву.

Но директивы никто не отменял, на следующий день господский дом, все надворные постройки были проверены, всё нужное в хозяйстве забрано и увезено, ненужное в быту – книги, газеты, картины тоже брали все, кому не лень. Потом усадьбу запалили и радостно разошлись по хатам, разглядывая то, что удалось заполучить.

В феврале 1919 года писатель Максим Горький написал письмо в правительство, по поводу разорения усадеб в Орловской губернии, напоминал, что у Голицына – богатая семейная библиотека, ценные архивы, а «крестьяне постоянно растаскивают книги, употребляя ценные на курево, а цветные иллюстрации – на оклейку стен в избах ...»

Писателю сообщили, что ещё осенью прошлого года приняты меры и на это отпущены деньги ...

Теперь на месте имущества ничего не осталось, лишь бугорки кое-где напоминают, что оно было.

До расправы дело не дошло

Чудо на колёсах

В 60-70-е годы прошлого века работал на «Ливгидромаше» на руководящих должностях Иван Гаврилович Удовыдченков, который любил рассказывать про свои молодые годы. Однажды он вспомнил историю, как увидел первый автомобиль. Излагаем её.

В 20-е годы на базарной площади перед зданием театра (ныне дом культуры) устраивали выставки достижений ливенских сельхозпроизводителей.

Тогда на селе хозяйствовали в основном единоличники, они показывали породистых коров, свиней, кур, лошадей. Выставлялась и сельскохозяйственная техника. Самый большой интерес вызывал грузовой автомобиль. Вокруг него собралась толпа людей, все с любопытством разглядывали колёса,

В Ливны прибыл подобный автомобиль

кабину, кузов. Главным кумиром, конечно, был шофёр, одетый в кожаную куртку и галифе, на шлеме покоились массивные очки. Он рассказал об устройстве автомобиля, привёл его характеристики. Потом началась демонстрация дотоле невиданного транспортного средства. Шофёр натянул краги (длинные до локтя перчатки), покрутил ручку впереди машины и мотор взревел. Все шарахнулись по сторонам. Затем хозяин чуда неторопливо взобрался на сиденье и предложил залезть в кузов желающим, чтобы прокатить их. Набралось несколько смельчаков. Они присели и вцепились в борта. Автомобиль затарахтел, рванул с места, выбежал с базарной площади и побежал к Сергиевскому спуску. Толпа бросилась вдогонку, обдаваемая клубами синеватого дыма вперемешку с пылью...

Вернувшись на площадь, автомобиль остановился, из кузова выпрыгнули радостные «герои», а шофёр продолжал демонстрировать возможности машины. В кузов доверху набросали снопы, и он повёз их без всякой натуги. Удивлению и радости людей не было предела. Несколько дней очевидцы рассказывали об увиденном и, разумеется, никто, наверное, не мог и предположить, что в будущем автомобиль станет хозяином на дорогах.

Имя хранилось в тайне

В 1930 году в Тегеране проводились конкурсные испытания самолётов-разведчиков. Иранское правительство преследовало такую цель: во время испытаний выявить лучший самолёт, чтобы принять его на вооружение своего воздушного флота. По общему мнению, лидером должен был стать самолёт французского производства «Потэз-25» с мотором «Лоррен». Прислал на эти испытания самолёт и Советский Союз. Это был самолёт-разведчик Р-5, с виду неуклюжий биплан с неубирающимися шасси, обтянутый тканью. Поэтому никто не отдавал ему предпочтения.

Самолёт Р-5

Но вот начались испытания. Французский самолёт выжимает максимальную скорость — 174 километра в час. На наибольших режимах поднимается на высоту 5000 метров за 27 минут. Настала очередь Р-5. Самолёт стрелой пронесся над мерным участком, скорость 210 километров в час! На пятикилометровую высоту русский пилот взбирается на две с половиной минуты быстрее француза. Словом, была одержана убедительная победа.

Об этом писала центральная газета «Правда» 14 ноября 1930 года. Но вот что странно: нигде не называется имя конструктора самолёта-победителя. Объяснение этому очень простое — конструктор самолёта в это время находился в заключении в внутренней тюрьме ОГПУ по ложному доносу как «враг народа». Имя его было Николай Николаевич Поликарпов, впоследствии один из лучших конструкторов авиационной техники, наш земляк, уроженец села Георгиевское (ныне Калинино).

Авиаконструктор Н.Н. Поликарпов

Если бы не война

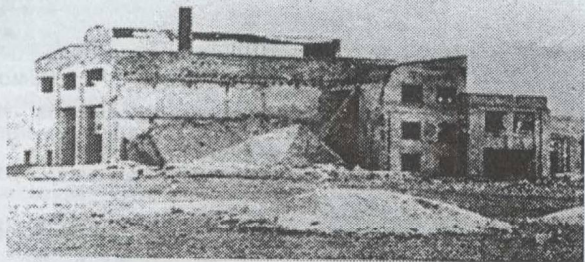
Знаете ли вы, что в тридцатых годах прошлого века осуществлялась попытка построить в Ливнах два крупных завода? Правда, месторасположение их было не в самом городе, а далеко за Георгиевской слободой — на левом берегу Сосны, недалеко от железнодорожного моста.

В конце лета 1931 года сюда пришли строители, и начали из красного кирпича возводить здание в виде сложного многоугольника. «Строится крупнейший спиртоводочный завод всесоюзного значения», — отмечалось в отчётном докладе 3 января 1934 года на VIII ливенской районной партийной конференции. Завод должен был выпускать в год 36 тысяч тонн спирта, отгружать в сутки пять железнодорожных цистерн!

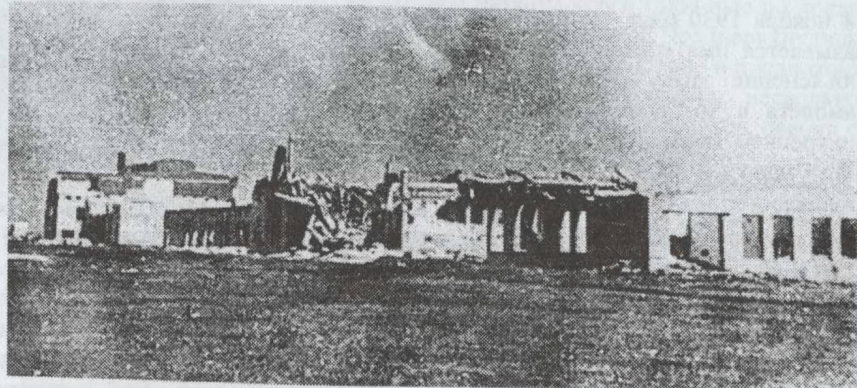
Возвели здание главного корпуса, управления, вспомогательных служб. В 1941 году собрались монтировать оборудование, но помешала война.

В том же районе, но чуть ближе к Георгиевской слободе строилось другое крупное предприятие — завод растительного каучука «Расткаучук». Начались работы в 1938 году. В качестве сырья намечалось использовать выращиваемое на ливенских полях растение кок-сагыз. Это была стратегическая стройка,

так как каучук требовался, чтобы «обуть» в резину автомашины, танки, самолеты. Поднялось здание главного корпуса из железобетона длиной 150 метров. Стали завозить и монтировать оборудование. На стройке работали около тысячи ливенцев и все с нетерпением ждали того дня, когда пойдёт первый каучук. Но не дождалось, — грянула война.

Развалины «Расткаучука», 1945 г.

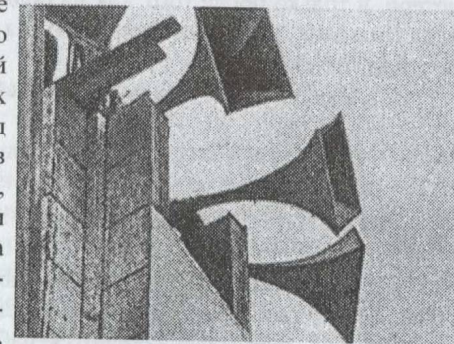
Всё, что осталось от спиртзавода, 1945 г.

Здания спиртзавода использовались во время военных действий 1941-42 гг. частями Красной Армии. В 1947 году на их базе начал создаваться завод

малых гидротурбин (ныне «Ливгидромаш»). До сего времени они служат насосостроителям. Что касается здания каучукового завода, то его взорвали перед эвакуацией города в ноябре 1941 года. В шестидесятых годах ливгидромашевцы на остатках построили клуб и спортзал, рядом — хоккейный корт, а вблизи можно увидеть развалины несостоявшегося завода.

Ливны освободили дважды

Официальной датой освобождения Ливен от фашистских оккупантов считается 25 декабря 1941 года. Однако об этом событии сообщалось дважды: 13 и 25 декабря. Ещё в конце ноября у командования Юго-Западного фронта созрел план Ливенско-Елецкой наступательной операции, в рамках которой оперативная группа под командованием Ф.Я. Костенко в составе пяти стрелковых дивизий, кавалерийского корпуса и мотострелковой бригады должна была выступить из района Косторное-Тербуны в направлении Ливны-Верховье. 7 декабря началось наступление, и к исходу дня 9 декабря части группы подошли к селу Круглому, устремились к селу Успенскому, намереваясь далее освободить Ливны.

Сначала город «освободило» Совинформбюро

В это время от Ельца наступали 4 стрелковые дивизии 13-й армии. Немцы ожесточённо

сопротивлялись, потери в наступавших дивизиях были большими, поэтому командование вывело одну стрелковую дивизию из группы бросив на помощь 13-й армии. В это время Костенко и отложил освобождение Ливен. Во-первых, из-за ослабления группы, во-вторых потому, что задача окружить 134-ю

По-настоящему Ливны освободила Красная Армия

и 45-ю пехотные дивизии немцев, которые теснила 13-я армия была более привлекательной, чем освобождение от немцев Ливен.

Но как говорят, «петух уже кукарекнул»: 13 декабря Совинформбюро сообщило по радио и в газетах, что Ливны освобождены. Сообщения этого главного информационного агентства СССР транслировалось на Европу. Лауреат Нобелевской премии писатель И.А. Бунин записал в своём дневнике 13 декабря: «Русские взяли назад Ефремов, Ливны и ещё что-то».

Группа Костенко вместе с дивизиями 13-й армии была далеко от Ливен – в районе Измалково – громила в «котле» две немецкие дивизии. Потом полки 13-й армии подошли к Ливнам имея информацию, что город свободен. Это было не так. 299-я пехотная дивизия вермахта стойко защищались, и, даже, получила благодарственную телеграмму Гитлера. Части Красной Армии несли большие потери, и только после того, как на подмогу из-под Змиёвки с целью окружения под Ливнами врага двинулась 100-я стрелковая дивизия, немцы спешно бросили Ливны.

25 декабря город был освобождён, уже по-настоящему.

За связь с религией

Порой детективные факты можно отыскать в архивах. Так, в Орловском областном архиве есть документы, рассказывающие о такой истории.

В 1948 году активизируются работы против тех коммунистов, которые ещё не расстались с религиозной идеологией. Было выявлено, что в Ливнах уполномоченный по радиовещанию В.Т. Шеламов разрешил крестить своего ребёнка. При обсуждении этого поступка в парторганизации он рассказал, что обряд крещения жена и тёща совершили в его отсутствие и заявил, что в связи со случившимся разводится с женой. Партийная организация поверила ему и ограничилась

вынесением выговора. Прошло два месяца и Шеламов снова сошёлся с женой, о чём тут же стало известно партийному секретарю. Тогда Шеламов снова пошёл на хитрость: стал организовывать в свой адрес письма, в которых анонимный автор грозился убить Шеламова за

Члены партии церковь посещать не могли

противодействие окрестить ребёнка и за развод. Эти письма он принёс в органы госбезопасности и просил выявить того, кто ему грозил. Через некоторое время он был разоблачён и во всём признался, после чего его исключили из партии.

Такое же наказание и понёс коммунист Н.Л. Калинин из колхоза имени Калинина, в доме которого регулярно по субботам и воскресеньям, а также в дни религиозных праздников, ввиду того, что церковь стояла разрушенной, проводились богослужения. Кроме того Калинин совершил крещение своего ребёнка.

Как свидетельствуют архивы, за 10 месяцев 1949 года в Орловской области за участие в религиозных обрядах было исключено из партийных рядов 67 человек. Среди них секретари партийных и комсомольских организаций, председатели колхозов и даже начальник отдела управления госбезопасности.

Пророческая штука министра

В 1949 году на завод «Ливгидромаш» (тогда он назывался завод малых гидротурбин) приехал министр машиностроения и приборостроения Пётр Иванович Паршин. Предприятие в то время только вставало на ноги, но уже были выпущены первые насосы, гидротурбины, делались первые плавки чугуна в вагранке. Производство размещалось в приспособленных, разрушенных зданиях спиртзавода, так и не запущенного.

Министр прибыл в Ливны по железнодорожной дороге в правительственном вагоне, до завода – 6 километров. Была зима, дорога завалена снегом. Единственная легковая машина «Додж», имевшаяся на заводе, не могла пробиться сквозь сугробы, поэтому министра везли на «kozyрях» – лёгких санках. От самой Воробьевки до завода строений тогда не было, простиралось чистое поле. Заводская лошадь везла закутанного в шубу министра по снежным завалам целый час. Чуть согрешившись в кабинете директора Шугрина К.В., Паршин направился на производство. Его в сопровождении заводского начальства повели в литейный цех, показали плавку чугуна в вагранке. Вокруг собрались рабочие, специалисты. Министр был оживлён, остался доволен, что за два года работы завода многое уже сделано, ставил задачи на будущее, говорил, что с такими молодцами можно свернуть любые горы, оглядывая молодых людей, одетых в основном в то, в чём пришли с войны.

И вдруг он остановил свой взгляд на парне

Всеволод Митрофанович Лихман

высокого роста, стройном, с благородным лицом:

– Кто это? – Спросил министр Шугрина.

– Молодой специалист Лихман, прибыл к нам из города Сумы, работает мастером в литейном, – пояснил директор.

Вижу, хороший парень, директором будет, – полушутя сказал министр, и все засмеялись ...

Прошло всего пятнадцать лет и в 1965 году Всеволод Митрофанович Лихман стал генеральным директором производственного объединения «Ливгидромаш» с численностью пять тысяч человек, а до того работал директором завода маслonaсосов. Человек заслуженный, известный, авторитетный. Шутка министра оказалась пророческой.

Картошка в мундире

Эту историю рассказал Николай Васильевич Барабанов, работавший когда-то заместителем редактора районной газеты «Знамя Ленина».

В конце пятидесятых годов проходила избирательная компания по выборам в Верховный Совет СССР. В Ливны прибыл кандидат в депутаты Верховного Совета для встречи с избирателями. Округ тогда включал в себя Ливенский, Колпнянский, Покровский, Должанский и другие соседние с Ливнами районы. После Ливен должна была состояться встреча в Долгом. Всё прошло нормально по ранее разработанному сценарию. После встречи в доме культуры был организован ужин. Выбрали добротный просторный дом одного из жителей. Стол заставили яствами, привезёнными из ливенского ресторана. Чего только не было: икра красная и чёрная, колбаса, рыба высокосортная, копчёности, водка, коньяки и вина. На почётное место усадили кандидата из Москвы, рядом с ним уселось начальство из области, Ливен, Долгого, подальше – общественники, журналисты. У стола хлопотали официанты стараясь угодить почётному гостю.

После небольшой официальной части, приступили к трапезе. Москвич посмотрел на стоящую перед ним тарелку и проговорил под всеобщее молчание:

– А хозяйюшка-то где?

Хлопотавшая на кухне, она бросила все дела и предстала в фартуке перед кандидатом. Оробела, чуть ли не дрожит. Москвич ласково обращается к ней:

– Уважаемая, а картошка есть у вас?

– Полный подвал ...

– А капусту квасили?

– Две кадки стоит.

– Не могли бы вы, любезная, сварить картошки прямо в мундире – пару, тройку штук и капустки положить квашеной, луку покрошить и маслицем подсолнечным полить?

– Мигом сделаю, печка растоплена, жару много.

Все оживились, особенно журналистская братия, – и вопросительно смотрит на будущего депутата.

– Вы внимания не обращайтесь, начинайте.

Зазвенели стаканы, бокалы и рюмки, забулькало наливаемое в них, потом заговорили. Всё оживлённее и оживлённее ...

Когда хозяйка, уже повеселевшая, принесла полную чашку дымящейся нечищенной картошки, а рядом поставила тарелку душистой капусты с красивым вкраплением моркови, москвич отодвинул от себя со стола все яства, взял крупную картофелину и стал, обжигая пальцы, аккуратно чистить. Потом налил стопку водки опрокинул, вилкой захватил капусту и стал смачно жевать, откусывая картофелину. При этом проговорил:

– Вот это я понимаю! Спасибо хозяйюшка!

Рядом с вокзалом

В начале пятидесятых годов прошлого века разрушенная войной городская инфраструктура была в основном восстановлена. Остро встал вопрос о строительстве районной больницы. Лечебные корпуса, построенные ещё в царское время и разбросанные по всему городу, не удовлетворяли ни горожан, ни сельчан.

Партийное и советское руководство настойчиво добивалось строительства больничного здания – большого, светлого. И вопрос стал решаться. За счёт средств завода «Ливгидромаш» решено было возвести новую больницу. Дело дошло до того момента, что стали выбирать место строительства. Собрались руководители из райкома партии и райисполкома.

Часть присутствующих склонялась возвести больничный комплекс на берегу реки Сосны сразу за Георгиевской слободой. Воздух чистый, рядом река, сад посадим – какая благодать для больных. Кто-то предложил Беломестную слободу, тут же нашлись возражения – хоть издавна слобода считалась ливенской, но теперь она в составе Никольского района. Были и другие

И на выборы, и на демонстрации ходили дружно

предложения.

Потом поднялся предрик, бывший фронтовик, и говорит: «У меня такое мнение – «привязать» больницу как можно ближе к вокзалу. И вот почему.

Наверное, все помнят войну. Сколько было раненых, а лечили то их по всей стране, в том числе и в Ливнах. Привозили на поездах, сколько хлопот было, чтобы развести их по госпиталям. А тут, какие удобства – вокзал и больница рядом».

Здание районной больницы

Практически все поддержали его – не прошло и десяти лет, как отгремела война, всю разгорелась «холодная война», вот-вот грянет.

Так и стоит больница вот уже более полувека рядом с вокзалом.

Блынское озеро

В семидесятые годы секретарём Ливенского горкома партии стал работать Александр Степанович Блынский, человек инициативный, творческий, интересный. Судьба и мне подарила общаться с ним по работе. Мне, работавшему на «Ливгидромаше» начальником отдела механизации, он поручил решить проблему удаления отходов от свинооткормочного комплекса, которых накопилось в резервуаре площадью четверть гектара несколько тысяч тонн. Задачу эту мы, заводские специалисты: конструкторы, слесари, сварщики, электрики решили.

Но речь в этом повествовании пойдёт по другой теме. Тогда Лесная Ливенка, протекающая у Ямского леса, представляла из себя скорее не реку, а большой ручей. И вот на одном из совещаний Блынский сказал:

– А почему бы нам не сделать плотину на речке, чтобы получилось озеро. Красота-то будет какая: рядом лес, пионерский лагерь. Рыбу запустить можно, пляжи оборудовать.

Большинство присутствующих отнеслись к идее настороженно – работы много и получится ли?

Александр Степанович настоял на своём – началась у Ямского леса «великая стройка». Технику собрали с городских предприятий, рабочих прислали. Тишину нарушили рёв моторов, людские голоса. Работали и в выходные дни. Блынский лично проводил совещания на объекте, вникал в каждый вопрос лично, «распекал» нерадивых руководителей. И выросла на

речке плотина, а спустя два года яма котлована заполнилась водой, потом мальков запустили ...

На этом месте построили водохранилище

Теперь озеро стало украшением местности, сюда приезжают любители порыбачить.

Несколько лет руководил городом и районом А.С. Блынский, потом уехал в Орёл с повышением в должности. А озеро осталось и зовут теперь его «Блынским». Значит, доброе дело сделал человек.

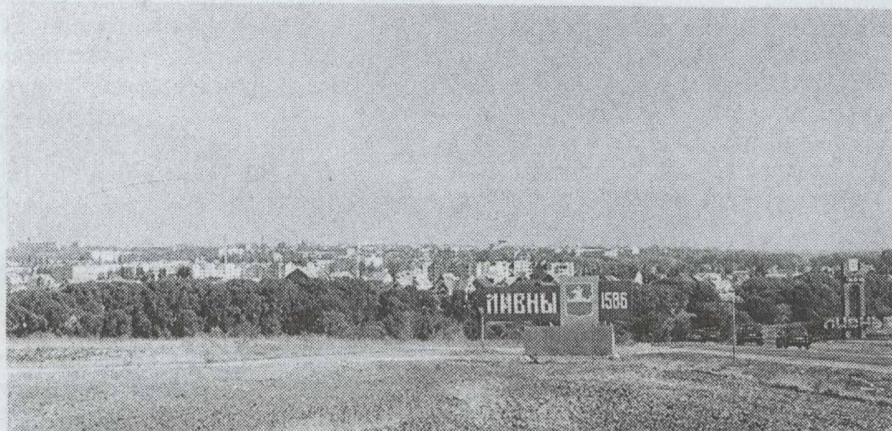
Начальник знал географию

В 70-е годы прошлого века в Ливнах рассказывали такую историю.

Это было время химизации, широко внедрялись удобрения, строились химические предприятия. Проект одного из них был готов. На титульном листе пояснительной записки крупными буквами было выведено: «Придонский химический комбинат». На предприятии планировалось выпускать удобрения, кажется, азотные. Проект прошёл многие стадии согласований, но по какой-то причине город в Воронежской области, где должен был строиться комбинат, не «потянул». Но «подгоняли» планы по химизации сельского хозяйства, поэтому Министерство химической промышленности быстренько переадресовало местонахождение будущего комбината. Куда бы вы думали? В Ливны. На Орловщине согласились с радостью – большое строительство, крупнейшее предприятие, огромные деньги!

Проектировщики немедля исправили проектную документацию,

«привязка» была, по слухам, сделана к Барковской горе. Вода рядом, город тоже рядом, территория – необъятные чернозёмные просторы.

Любовались бы мы этой панорамой с территории химкомбината

Когда всё было готово, собрались у министра, а может быть у его заместителя, чтобы окончательно утвердить проект. На столе разложили техническую документацию, настроение у всех царило благодушное. Ещё бы – давали путёвку ещё одной громадной стройке химии. Самый большой начальник взял ручку для того, чтобы поставить подпись, но вдруг взгляд его остановился на титульном листе одной из папок. Он вслух прочитал:

– Придонский химический комбинат в Ливнах.

Потом многозначительно обвёл взглядом окружающих:

– Что вы меня шельмуете. В Ливнах Дон никогда не протекал, там течёт река Сосна.

Противники начали, перебивая, что-то доказывать, а хозяин кабинета завершил дело словами:

– Придонский, значит должен стоять на Дону!

Говорят, что химкомбинат вернули в Россошь. И это счастье – не стало в Ливнах мощного источника газа и дыма. Благодаря министру, который знал географию.

Стакан с хреном

А это другая история, которую поведал Николай Васильевич Барабанов.

В послевоенное время секретарей горкома присылали в основном из области. Хозяин района приступил к своим обязанностям и вскоре прибыл в

один из колхозов на отчётно-выборное собрание. Всё прошло, как по накатанному: председатель отчитался о работе за отчётный период, рассказал о задачах, затем в прениях выступали заранее намеченные колхозники, прочитав по бумажке свои речи. В заключение новый секретарь райкома нацелил колхоз на решение стоящих проблем, пожелал успехов.

По заведённому тогда обычаю всё завершалось ужином. Машины подъехали к председателскому дому, районное и колхозное начальство село за стол. Никто не знал, что из горячительного предпочитает хозяин, поэтому на стол поставили водку, вино, коньяки. Все настороженно следили, что он будет делать.

А мы без хрена обходимся

Секретарь поставил перед собой гранёный с ободком сверху стакан, который тогда называли почему-то «маленковским», взял бутылку «Московской», хотел было открыть её, но потом обвёл взглядом уставленный закусками стол и поставил бутылку на место. Воцарилась тишина, все были в недоумении. Потом обратился секретарь к председателю:

– Хренку бы не мешало.

Председатель вскочил со стула и, обращаясь к жене, проговорил скороговоркой:

– Василия ко мне немедленно!

Председательский шофёр склонил своё ухо к губам председателя. Тот прошептал что-то и Василий мигом выскочил из дома. Сквозь раскрытые окна было слышно как мотор колхозного «Уазика» взревел, и шум его стал быстро удаляться.

Прошло минут десять и вот на столе перед секретарём уже стоял полный стакан белоснежного хрена.

Секретарь молча налил в стакан водку, зачерпнул полную ложку хрена и

размешал. Потом, пожелав здоровья, выпил всё содержимое.

У всех наступило облегчение, а после выпитого началась беседа...

Заведующим сельхозотделом, организовывая собрания, на которых должен был присутствовать первый секретарь, предупреждал всегда председателей:

– Хрен должен быть на столе обязательно!

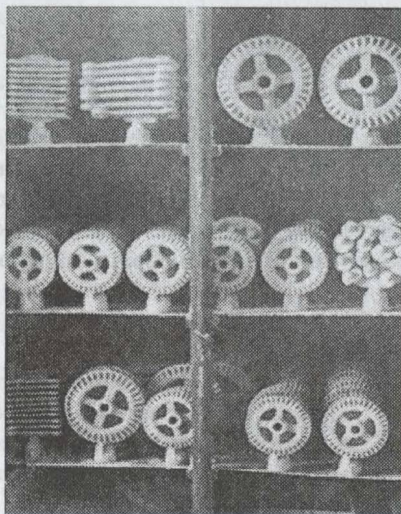
Вскоре все преды уже знали о привычке секретаря и никаких предупреждений им не требовалось.

Шестерня в голове

Рационализаторов в советские времена было много. Их хвалили, поощряли премиями, награждали. Газеты пестрили заголовками: «Человек творческой мысли», «Всегда в поиске», «Рационализаторам – зелёную улицу» и т.д.

Один из цеховых рабочих подал предложение по усовершенствованию обработки шестерни. Для непосвященных скажем, что это диск с зубьями, предназначенный для передачи вращательного движения на соседнюю шестерню.

Предложение он сам и реализовал, сделал нужное приспособление, попробовал, всё получилось. Одобрило его идею и начальство. После чего обработку шестерён стали проводить по его методу. Новатор получил вознаграждение, отдел рационализации рекомендовал редактору многотиражки написать о нём в газету. У него взяли интервью, сфотографировали. С газетной полосы смотрело улыбчивое лицо и давалось описание его новшества. Корреспондент, не подавший ни одного рацпредложения и далёкий вообще от «железок» написал, что идея рабочего рождалась в творческих муках, очень долго и трудно. Вот что было написано в газете дословно:

Благо, что не эти колёса крутились

«...Шестерня не давала ему спокойно спать, она всю ночь вертелась у него в голове...»

Ну ладно, вертелась, так вертелась.

Но при встрече с рационализатором я все-таки пошутил:

– Вертится шестерня в голове или остановилась?

Он недоумённо посмотрел на меня и ответил:

– Не пойму о чём ты говоришь.

Наверное, мой знакомый газету не читал, или, прочитав, смысла не понял. А новатор-корреспондент вскоре уехал в какой-то крупный город, говорят, устроился в областной газете.

За одни сутки

Каждое здание в городе имеет свою историю. Расскажем о родословной здания, где размещается научно-технический центр (НТЦ) ОАО «ГМС Ливгидромаш».

В 1959 году в Ливнах было создано специальное – конструкторское бюро насосов (СКБН), которое размещалось первоначально на территории насосного завода (здание бывшего военного городка). Организация разрасталась, занимаемые площади стали явно тесны. Руководители СКБН упорно добивались расширения площадей и им пошли навстречу. Про проектировании заводоуправления Ливенского завода пластмасс («Ливныпластик») был выделен один этаж для размещения СКБН. Это не в полной мере удовлетворило коллектив бюро, так как основная масса персонала проживала в городе, а автобусное сообщение, в то время находилось на низком уровне, да и курируемый завод «Ливгидромаш» отдалялся.

Научно-технический центр сегодня

Руководство СКБН думало, как занять отдельное здание в городе. В то время (начало шестидесятых годов) получал большое развитие атомный

подводный флот, этот фактор и решили использовать. Обратились к министру судостроения, рассказали о больших перспективах СКБН, которое уже проектировало насосы для флота и могло сделать самые совершенные образцы. Рассказ убедил министра, он сказал, что деньги на строительство отдельного здания будут, и что для этого нужно ходатайство горкома и обкома партии, причём, оно должно лежать у него на столе уже завтра.

Делалось всё очень спешно. Начальник техотдела СКБН Н.Ф. Филиппов срочно выехал в Ливны, приехал поздно вечером, сообщил обо всём секретарю горкома А.Я. Якубсону. Все необходимые люди были ночью подняты с постелей, и к утру все необходимые бумаги были готовы. В Орле прошло всё без задержки. После обеда документы уже лежали на столе министра, а спустя короткое время появилось его распоряжение о выделении средств на строительство здания СКБН в Ливнах.

Снесли несколько ветхих строений, образовалась обширная площадка перед производством №1 ПО «Ливгидромаш» и началось строительство. В семидесятые годы прошлого века здание было готово. Из тесных помещений конструкторы и технологи переселились в просторные и светлые залы. В 1976 году организация вошла в объединение «Ливгидромаш», а сейчас именуется научно-техническим центром.

Как погасили «Ливенские зори»

В самом начале девяностых годов в Ливнах начала выходить помимо единственной районной газеты «Знамя Ленина» другая газета «Ливенские зори». Она бичевала псевдокоммунистов из местной и областной элиты, разваливающих КПСС и Советский Союз своими неблагоприятными поступками. Печатались материалы на людей, которые, прикрывшись партбилетами, творили деяния, за которые в нормальном обществе отдадут под суд и сажают за решетку.

Эта весьма жгучая газета имела авторитет у простых слоёв общества, но её всеми фибрами души ненавидели лжекоммунисты. Тираж её достигал двух с половиной тысяч экземпляров, и стал бы ещё больше, если бы не козни противников.

Эта бумажка загасила «Ливенские зори»

Во-первых, деньги, перечисленные в Ливны на её поддержку из министерства информации, чиновники каким-то путем вернули назад. Во-вторых, всячески преследовали её корреспондентов (не получающих никакого вознаграждения за работу в редакции, так как трудились в нерабочее время на общественных началах). Устраивали слежку за ними, преследовали на основной работе и т.д. Эти деяния ещё более раскаляли журналистов и газета становилась ещё острее.

Потом прошли перевыборы губернатора – вместо Юдина был избран Строев, хотя в Ливнах последний проиграл. Вот тогда и были «подобраны ключи» к непокорной газете. Вызвали спонсоров и предупредили, что если они будут продолжать перечислять деньги в типографию на печатание газеты, то пожалеют об этом, так как есть налоговая инспекция, санэпидемстанция, пожарная охрана и т.д. Т.е. органы, которые могут воздействовать на спонсоров весьма «эффективно».

Деньги в типографию поступать перестали, газета закрылась. А те, кто добивался этого, продолжали занимать высокие посты на местном и более высоких уровнях.

Напильники и коттеджи

В окна цеха светило яркое солнце и слесарь Иван подумал: «Скоро огород копать, надо бы лопату наточить». Выдвинул ящик верстака, наполненный разным инструментом, и стал выбирать напильник... Попадались всё старые, изношенные, но вот на дне нашелся новенький, широкий. «Рукоятки нет, но и без неё обойдусь», – подумал слесарь и сунул напильник в сапог. Потом вспомнил, что и яблоньки бы надо подрезать, а ножовка тупая. Порывшись, нашёл напильник треугольной формы, осмотрел его – хоть не новый, но пойдёт, зато с рукояткой – и сунул его тоже в сапог.

Смена закончилась, и он, как ни в чём не бывало, пошёл через проходную домой. Но не тут-то было. Только он подошел к вертушке, как под ней что-то щёлкнуло и повернуть её стало невозможно. В растерянности он промычал что-то, а вахтёрша крикнула ему сквозь стекло:

– Приказано не выпускать!

И тут же к нему подошёл охранник, потом другие караульщики:

– Вытаскивай, что в сапоге! – услышал он команду.

Иван не стал упираться, сунул в сапог ладонь и протянул два напильника. Его начали воспитывать, называть «несуном», пообещали наказать по всей строгости закона, и отпустили...

Наказали Ивана строго, попросили написать заявление на расчет, он не сопротивлялся и оформился на другое предприятие.

Лучше строить дома, чем воровать напильники

Это произошло в девяностые годы. Тогда активно строились коттеджи на «Поле чудес». Строил и директор завода, да возводил и не один дом, а сразу два. Завод работал неплохо, директор пользовался авторитетом. Вскоре его наградили чем-то, — то ли орденом, то ли медалью.

И пошла по заводу поговорка:

Ваньку уволили за два напильника, а директору за два коттеджа орден дали.

Выкопали памятник

Случилось это весной 2013 года. Звонит ливенский краевед, большой знаток местной истории Олег Леонидович Якубсон:

— На первой площадке «Ливгидромаша» откопали памятник. Посмотри, если есть интерес.

Надгробья выкапывали в этом месте не раз, так как здесь в старину находилось кладбище. Разыскал памятник, отмыли его. Представлял он собой мраморную призму с куполообразным верхом. Заметен был в верхней части скол, значит, венчали купол или крест, или ангел. На лицевой стороне выбита надпись: «Василий Алексеевич Бондарев,

В.А. Бондаев с супругой

родился в декабре 1851 года, скончался 30 апреля 1900 года». В списке ливенских купцов этого человека не нашёл, зато отыскал фамилию: Бондарева Пелагея Васильевна. Предположил, что это дочь того, кому поставлен памятник.

Сообщил об увиденном Якубсону, и как же был удивлён, когда указал, что потомки Бондаревых приезжали в Ливны, оставили фотографии. А кроме того, один из потомков из Петербурга сообщил, что это памятник именно его предка (даты рождения и смерти совпадают). Я нашёл сведения о Бондаревых.

Оказалось, что это купеческая фамилия. Им принадлежала мельница на реке Тим в деревне Евланово, на которой в 1900 году трудились 35 рабочих. А жили они на перекрёстке улиц Петровской (Дружбы Народов) и Новоникольской (Дзержинского) в двухэтажном доме (на этом месте стоит недавно построенный дом номером 104). Владели они и магазинами, торговали мукой, крупами.

Памятник увезли в Петербург, для того, чтобы поставить его рядом с надгробьем супруги Евгении Митрофановны, покоящейся на Шуваловском кладбище.

На том и закончилась эта история. Добавим, что на территории площадки № 1 «Ливгидромаша», наверняка в земле лежат надгробья и останки захороненных ливенцев. И не мало.

Содержание

К читателю	3
И построили мост	4
Погибли все	5
За побег – премия	6
Самозванец из Ливен	7
«Посланец государя»	8
То Орлиха, то Ефимьев	9
«Шпион» в Ливнах	10
«Отстранить от должности»	11
Дешевле, но хуже	12
Мастера кнутобойного дела	13
Помещик – изобретатель	14
Непокорные слободчане	15
Небесное чудо	16
Книги – на курево	17
Чудо на колёсах	18
Имя хранилось в тайне	19
Если бы не война	19
Ливны освободили дважды	21
За связь с религией	22
Пророческая шутка министра	23
Картошка в мундире	24
Рядом с вокзалом	25
Блынское озеро	26
Начальник географию знал	27
Стакан с хреном	28
Шестерня в голове	30
За одни сутки	31
Как погасили «Ливенские зори»	32
Напильники и коттеджи	33
Выкопали памятник	34

Набор, вёрстка И. Сухарская

Подписано в печать 22.12.2014 г. Формат 60x80 1/16
 Печать ризография. Бумага офсетная. Гарнитура Times New Roman
 Объём 2,25 усл. печ. л. Тираж 50 экз. Заказ № 150/1

Лицензия ПД № 8-0023 от 25.09.2000 г.
 Отпечатано с готового оригинал-макета
 в ООО Полиграфическая фирма «Картуш»
 г. Орел, ул. 2-я Посадская, 26. Тел./факс (4862) 44-51-46